Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов

С.В. Базавлук, К.П. Курылев, Л.В. Савин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются взгляды и оценки зарубежных авторов в отношении взаимосвязи евразийства и ЕАЭС в контексте изменения мировой политической системы. Показаны как критические взгляды, так и попытки определения места и роли евразийской интеграции в политических и экономических взаимосвязях с другими странами и объединениями (Китай, Вьетнам, ЕС, Латинская Америка). Евразийство в его различных интерпретациях, от идеологии до реализации программ ЕАЭС расценивается как одна из стратегий по созданию многополярного мироустройства. Выявлены основные тенденции в оценках евразийства и евразийской интеграции, которые можно классифицировать по трем признакам. К первому относятся негативные оценки — от характеристик евразийства и ЕАЭС как угрозы для ЕС, США и Запада до намеренной дезинформации в отношении евразийской идеологии. Ко второму — более прагматичный и взвешенный взгляд, с уклоном в экономическое взаимодействие, что предполагает как сотрудничество с ЕАЭС и принятием евразийской интеграции на определенных правилах, так и отказ от такой кооперации. Третий представляет положительные оценки и необходимость более интенсивного взаимодействия между ЕАЭС и китайским проектом «Пояс и путь». Также отмечены замечания отечественных авторов на проблематику взаимодействия ЕАЭС и ЕС. Исследование базировалось на сравнительном методе изучения источников по исследуемой теме.

Ключевые слова: евразийство, ЕАЭС, стратегия, внешняя политика, международные отношения, многополярный мир, Евразия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Eurasianism, Eurasian Economic Union and Multipolarity: assessments of the foreign experts.

Sergey V. Bazavluk, Konstantin P. Kurilev, Leonid V. Savin

RUDN University, Moscow, Russian Federation.

Abstract. The views and assessments of foreign authors regarding the relationship between Eurasianism and the EAEU in the context of changes in the world political system are analyzed. Both critical views and attempts to determine the place and role of Eurasian integration in political and economic relations with other countries and associations (China, Vietnam, the EU, Latin America) are shown. Eurasianism in its various interpretations, from ideology to the implementation of the EAEU programs, is regarded as one of the strategies for creating a multipolar world order. The main trends in the assessments of Eurasianism and Eurasian integration are identified, which can be classified according to three criteria. The first includes negative assessments - from the characteristics of Eurasianism and the EAEU as a threat to the EU, the US and the West to deliberate misinformation about the Eurasian ideology. The second is a more pragmatic and balanced view, with a bias towards economic cooperation, which implies both cooperation with the EAEU and the adoption of Eurasian integration on certain rules, and the rejection of such cooperation. The third one presents positive assessments and the need for more intensive interaction between the EAEU and the Chinese Belt and Road project. The comments of Russian authors on the problems of interaction between the EAEU and the EU were also noted. The research was based on a comparative method of studying sources on the subject.

Key words: Eurasianism, EAEU, Strategy, Foreign Policy, International Relations, Multipolarity, Eurasia.

Нынешние тенденции в изменении внешнеполитических векторов России, процесс евразийской интеграции и акцент на создание многополярного мира показывают определенную взаимосвязь, которая отражается как во внутриполитических дебатах и экспертном анализе, так и критических оценках,

в том числе со стороны зарубежных авторов. Эти взаимосвязанные тенденции с одной стороны отражают пока еще не полностью осмысленные и дискурсивно сформулированные процессы на постсоветском пространстве, а с другой вызывают реакцию за рубежом.

В данной публикации будут рассмотрены оценки иностранных авторов, представляющих различные школы и страны. Для этого использован метод сравнительного анализа.

В целом существует несколько точек зрения на евразийскую интеграцию. На Западе четко прослеживается несколько основных линий: 1) увязывание классического евразийства и его современной интерпретации с ЕАЭС; 2) оценка ЕАЭС как некоего конкурентного экономического проекта, который может угрожать интересам как ЕС, так и США; 3) попытки объективно рассмотреть взаимосвязи внешней политики России, евразийской интеграцией и глобальными геополитическими изменениями.

Если говорить о китайских взглядах, там, как правило, считают, что ЕАЭС и инициатива «Один пояс, один путь» взаимно дополняют друг друга. Проект «Большой Евразии» или Большого евразийского партнерства также рассматривают именно в этой перспективе. Есть и гетеродоксальные предложения. Например, Дипломат из Шри-Ланки Даян Джайятиллека считает что для евразийской геополитики, которую проводит Россия, наиболее осуществимым является «распространение примаковской концепции “многовекторности” на область идеологии и эволюция мягкой силы, которая действительно является многовекторной: справа, слева и в центре. Эта идеология была своего рода двуликим Янусом, с оглядкой на цивилизационное наследие России и устремляясь к альтернативной современности и универсальности. Только тогда Россия сможет заново осознать свою роль авангарда нового исторического проекта, несущего в себе новый синтез идей и ценностей».[1]

1 Dayan Jayatilleka. Toward a New Eurasian Geopolitics // September 12, 2019. URL: https://globalejournal.org/global-e/september-2019/toward-new-eurasian-geopolitics (accessed: 29.08.2021).

Этот спектр мнений и замечаний важен, поскольку позволяет лучше понять как ожидания и реакцию, так и методы противодействия евразийской интеграции.

В начале публикации необходимо рассмотреть взгляды зарубежных авторов в отношении евразийской идеологии, затем мы перейдем к различным аспектам евразийской интеграции.

Евразийство

Необходимо отметить, что даже говоря о Евразии как политико-географической реальности, «некоторые исследователи используют данный термин как для обозначения России и новых независимых государств, так и для обозначения этих государств без включения России» [Базавлук, 2018]. Аналогичный подход можно обнаружить и в отношении евразийства.

По версии Марлен Ларуэль гибкость евразийства как идеологии объясняет его успех, разнообразие и широту охвата. Согласно Ларуэль это политическая доктрина в строгом смысле этого слова, теория нации и этноса, альтер-глобалистская философия истории, новая прагматическая формулировка "советизма", замена глобальных объяснительных схем марксизма-ленинизма, набор экспансионистских геополитических принципов для России и многое другое. Евразийство часто претендует на роль науки, чье представление о России не зависит от личных соображений, а представляет собой методичный и объективный анализ российских интересов. Поэтому был достигнут успех благодаря приверженности евразийства к созданию новых академических дисциплин, таких как геополитика, культурология, конфликтология, этнопсихология и др. [Laruelle 2008].

Теоретические предпосылки евразийства Ларуэль определила как 1) отказ от Европы, Запада и капитализма через критику "атлантистского" господства, считающегося катастрофическим для остального человечества; 2) утверждение культурного единства и общей исторической судьбы русских и нерусских

народов России, бывшего Советского Союза и части Азии; 3) идею о том, что центральное географическое положение этого евразийского пространства естественно и неизбежно влечет за собой имперскую форму политической организации и что любое отделение обречено на провал, не оставляя новым независимым государствам иного выбора, кроме как вернуться к единому политическому образованию; и 4) веру в существование культурных констант, которые объясняют более глубокий смысл современных политических событий.

Многие западные авторы сфокусировались на теоретических работах А.Г. Дугина, увидев в них связующее звено между классическим евразийством и интеграцией ЕАЭС.[2]

Указывалось, что «влияние Дугина на российскую геополитику и военную стратегию самоочевидно, хотя и спорно, насколько Путин верит в основополагающие теории, лежащие в основе идеологии Дугина. Несмотря на это, мы, вероятно, услышим больше о геополитических теориях Дугина в не слишком отдаленном будущем, и ясно, что российское правительство взяло его «Основы геополитики» за основу своей внешней политики».[3]

Другие склонны упрощать евразийство и видеть в нем антизападную риторику. По этой причине возникает убеждение, что «в евразийстве есть доля правды, достаточная, чтобы сделать его убедительным для некоторых. В целом, однако, это безумная теория, основанная на некоторых довольно странных и явно ложных идеях примерно столетней давности. Если у них есть хоть капля здравого смысла, россиянам определенно не следует использовать его в качестве основы для каких-либо политических действий».[4]

Ученый из Пенсильвании Мэтью Рафаэль Джонсон, специализирующийся на русский истории отмечает «шокирующее невежество американских

---

2 Anton Barbashin and Hannah Thoburn. Putin's Brain. Alexander Dugin and the Philosophy Behind Putin's Invasion of Crimea // March 31, 2014. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-03-31/putins-brain (accessed: 04.08.2021). ; Jack Gilbert. Aleksandr Dugin Wants to See a Return to Russian Imperialism // Vice, April 28, 2014. URL: https://www.vice.com/en/article/3b7a93/aleksandr-dugin-russian-expansionism (accessed: 04.08.2021).

3 Sean MacCormac. Aleksandr Dugin: Putin’s Rasputin? March 4, 2015. URL: https://centerforsecuritypolicy.org/aleksandr-dugin-putins-rasputin/ (accessed: 22.08.2021).

4 Paul Robinson. Crackpoint Theories: Eurasianism. September 30, 2014. URL: https://irrussianality.wordpress.com/2014/09/30/crackpot-theories-eurasianism/ (accessed: 17.08.2021).

интеллектуалов, пытающихся разобраться в евразийских концепциях, которых они не понимают, подчеркивает основные опасения Дугина. У США нет понятийного аппарата, чтобы должным образом понять всеобъемлющую онтологию евразийства. Западные и прозападные писатели, такие как Джин Вейт, Дуг Сандерс, Антон Барбашин, Ханна Тоберн и Антон Шеховцов, демонстрируют позорное невежество, порожденное двумя вещами: во-первых, полное отсутствие у них интеллектуальной подготовки к онтологии и метафизике Дугина или кого-либо еще, кроме западного мейнстрима, и, что не менее важно, тот факт, что немногие из их читателей знают что-то лучше. Эта последняя проблема присутствует повсюду и дает вышеперечисленным право писать так, как им заблагорассудится. Это одновременно освобождает их от реального понимания и изолирует от серьезной критики».[5]

Однако это не отменяет скоординированных действий по дискредитации как евразийства, так и ЕАЭС со стороны Запада.

В США считают, что «понимание евразийского видения, которое вдохновляет российских лидеров, позволит нам принять рациональный подход к борьбе с противником, цели которого проистекают из иррациональной и опасной идеологии... мы должны абсолютно четко дать понять, что нападение на любого союзника по НАТО будет предотвращено быстрым военным ответом. В “многополярном” мире после НАТО, где американская мощь и рычаги влияния значительно уменьшены, евразийцы, которые управляют российской внешней политикой, подпитываемые их фашистской ненавистью к свободе, будут угрожать и подрывать американские интересы и глобальную стабильность на долгие годы”.[6]

Несмотря на явные дискурсивные стигмы, предназначенные для дискредитации евразийства, автор, тем не менее, не скрывает, что сочетание и

---

5 Matthew Raphael Johnson. Russian Nationalism and Eurasianism: The Ideology of Russian Regional Power and the Rejection of Western Values. URL: https://www.rusjournal.org/wp-content/uploads/2016/02/Eurasianism.pdf (accessed: 30.06.2021).

6 John Rice-Cameron. Eurasianism is the New Fascism: Understanding and Confronting Russia. February 2, 2017. URL: https://stanfordpolitics.org/2017/02/02/eurasianism-new-fascism/ (accessed: 25.07.2021).

наступление многополярного мира представляют угрозу американским интересам.

В специальном докладе Freedom House за 2020 г. можно обнаружить манипулирование нарративом в отношении терминов "Евразия" и "евразийский", поскольку доклад посвящен деятельности различных политических группировок на постсоветском пространстве. При этом большинство из них проявляли антироссийские настроения и выступали против ЕАЭС.

Указано, что "в Евразии также все более заметна активность ультраправых группировок. Эти антилиберальные, антиглобалистские, радикальные националистические группы поддерживают возвращение к тому, что они называют “традиционными” ценностями и идеалом “чистого” национального государства, и часто поддерживают насилие или его угрозу в качестве приемлемой тактики для продвижения этого видения".[7]

В западной прессе и академической политологической среде в целом прослеживается тенденция с 2014 г. всячески критиковать евразийство, будь то его классическая версия или какие-то аспекты, связанные с текущей евразийской интеграцией. Здесь явно прослеживается связь с референдумом в Крыму и усилиями по фальсификации любых сведений, относящихся к руководству России.

Например, в одной публикации наряду с салафизмом, хиндутвой, великоханьским шовинизмом, анархо-примитивизмом и движением за универсальный базовый доход евразийство названо в числе десяти наиболее идеологий. При этом в описании евразийства смешаны классическое евразийство, национал-большевизм, неоевразийство А.Г. Дугина, Таможенный союз и евразийская интеграция.[8]

Показательной является публикация американского историка Тайлера Фокса на сайте Института современной войны США. Он указывает, что

7 April Gordon. A New Eurasian Far Right Rising. Reflections on Ukraine, Georgia, and Armenia. URL: https://freedomhouse.org/report/special-report/2020/new-eurasian-far-right-rising (accessed: 17.08.2021).

8 David Tormsen. 10 Obscure Ideologies Influencing The World Today. Listverse, March 29, 2015. URL: https://listverse.com/2015/03/29/10-obscure-ideologies-influencing-the-world-today/ (accessed: 17.08.2021).

«концепция евразийства постоянно рассматривает регион в историческом контексте, аргументируя это тем, что из-за их совместного прошлого опыта у них “общая судьба”. В недавнем выступлении министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что Украина “стала жертвой крайне опасного геополитического маневрирования. Те, кто пришел к власти в результате государственного переворота, пытаются вбить клин между нашими двумя братскими народами. Ведется открытая борьба с русским языком”. От федерации Киевской Руси до Екатерины Великой, через 1800—е годы и до сегодняшней эпохи Путина Украина оставалась ключевой проблемой для российской безопасности, и понимание того, как россияне рассматривают настоящее время просто как продолжение этого континуума истории необходимо для точной оценки российских целей и формулирования эффективного противодействия.

Связь с историей является недостаточно изученным, но непропорционально важным элементом эффективности России в информационных операциях и “гибридной войне”. Это позволило России представить эффективное повествование в регионе и лежит в основе недавних российских усилий по всему региону, “направленных на улучшение сотрудничества в распространении информации за рубежом, чтобы привлечь внимание к российской истории... и пропагандировать достижения в области военно-исторических исследований, воспитывать патриотизм и сохранять военно-историческое наследие России в других странах"… Повествование - это главное усилие для достижения российских целей».[9]

Такого рода оценки далеко не единичны в среде американских военных. Так, в докладе о возможных геополитических изменениях после пандемии коронавируса, подготовленном ВВС США в сценарии, под названием "системный коллапс" упоминается активность ЕАЭС в контексте с китайской инициативой "Пояс и путь" [U.S. Air Force Global Futures Report 2020: 10].

---

9 Tyler Fox. Why Russian Information Operations Are So Effective // Modern War Institute, 03.12.18. URL: https://mwi.usma.edu/eurasianism-history-narrative-space-russian-information-operations-effective/ (accessed: 26.08.2021).

А бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ в своей публикации указывал, что «Значение термина “евразийский” сильно изменилось, но оно по-прежнему предполагает стратегическое соперничество… Короче говоря, новое евразийство больше не связано с сухопутной и морской мощью XIX века. Это признание того, что эпоха западного (и особенно американского) глобального господства закончилась. Вашингтон больше не может командовать (или позволить себе) долгосрочную попытку доминировать в Евразии. С экономической точки зрения ни одно государство в регионе, включая Турцию, не было бы настолько глупо, чтобы отвернуться от этого растущего “евразийского” потенциала, который также предлагает стратегический баланс и экономические возможности.

Конечно, по всей Евразии существуют огромные линии разлома - этнические, экономические, стратегические и в некоторой степени соперничество. Но чем больше Вашингтон будет пытаться сдержать или задушить евразийство как подлинную растущую силу, тем сильнее будет решимость государств стать частью этого растущего евразийского мира, даже не отвергая Запад.

Все страны хотели бы иметь альтернативы. Им не нравится быть обязанными одной мировой державе, которая пытается командовать… Было бы недальновидно со стороны Вашингтона продолжать сосредоточивать внимание на расширении военных союзов, в то время как большая часть остального мира стремится к большему процветанию и росту регионального влияния».[10]

Более рационально это высказывает научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Дж. Манкофф, отмечая, что «у Соединенных Штатов есть основания для беспокойства. Экономическая и политическая логика углубления интеграции на части постсоветского пространства довольно сильна, так как региональные объединения способствуют укреплению слабых экономик, особенно в Центральной Азии.

10 Graham E. Fuller. What is Eurasianism? September 14, 2016. URL: https://grahamefuller.com/2520-2/ (accessed: 23.07.2021).

Однако такая интеграция при российском спонсорстве несет угрозу иного рода: усиление зависимости соседних государств от России, что подвергнет опасности не только их развитие, но и самостоятельность во внешней политике». При этом американский эксперт подчеркивает, что интеграционные тенденции на евразийском континенте вполне укладываются в общемировые закономерности: «Самым значительным преимуществом создания нового Евразийского союза станет возникновение колоссального единого рынка и уменьшение преград для перемещения товаров и людей. Рабочим мигрантам из Центральной Азии будет проще ездить в Россию на заработки и на законных основаниях отправлять домой заработанные средства».[11]

Пол Стронски и Ричард Соколски из Фонда Карнеги сравнивают роли ЕАЭС, ШОС и БРИКС в качестве международных организаций, которые на практике помогают реализовавать устремления России к многополярности.

Они пишут, что «Россия продолжает использовать смесь принуждения и экономических соблазнов, чтобы побудить своих соседей присоединиться, а нынешних членов остаться в организации… А значение БРИКС и ШОС для России скорее символическое, чем существенное. Они помогают Кремлю подчеркнуть, как внутри страны, так и за рубежом, что Москва сохраняет международный авторитет, что у нее есть дипломатические средства для противодействия расширению западного влияния вокруг своей периферии и усилиям США и Европы по изоляции России, и что Россия является глобальной, а не только евразийской или региональной державой. Участие в этих международных организациях и группах также помогает Москве противостоять попыткам Запада дипломатически изолировать Россию после долгой серии нарушений. Россия может быть изолирована от евроатлантического сообщества, но эти организации помогают показать, что Москва не изолирована от остального мира.[12]

---

11 Mankoff J. (2012) What a Eurasian Union Means for Washington? 19 April, 2012. URL: http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821?page=2 (accessed: 24.08.2021).

12 Paul Stronski, Richard Sokolsky. Multipolarity in Practice: Understanding Russia's Engagement With Regional Institutions. January 08, 2020. URL:

Турецкий исследователь Голам Мустафа считает, что фактически концепция евразийства и евразийская политика превратились в государственные идеологии, которые нашли отражение во внутренней, региональной и внешней политике, а также в фундаменте недавнего процесса региональной интеграции. При этом существует несколько версий евразийства.

Российская геополитическая концепция евразийства, со всеми ее изменениями и модификациями, по-прежнему остается очень мощной, доминирующей и живой в историко-культурных, академических, а также национальных политических и идеологических дебатах и дискурсах. Турецкое евразийство - это в основном идея и видение создания содружества тюркских государств, населенных тюркскими народами, включая части России и Центральной Азии. Казахстанское видение евразийства и создания Евразийского союза на основе евразийской солидарности - это официальная политика (идеология), разработанная, запущенная и реализуемая Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, которая принципиально отличается от российской, турецкой и других форм с точки зрения основополагающих целей, задач, методов, направлений и механизмов реализации.[13]

При всем этом нужно учитывать, что «евразийство — идеология государственности. Все его геополитические, социокультурные, религиозные и иные аспекты вращаются вокруг проблемы власти» [Исаев 1994: 55]. К этому можно добавить его метаполитический феномен, где были объединены «различные идеи и концепции из культуры, религии, философии, гуманитарных наук и естествознания» [Базавлук, Курылев, Савин, Станис 2021: 60].

Евразийская интеграция

---

https://carnegieendowment.org/2020/01/08/multipolarity-in-practice-understanding-russia-s-engagement-with-regional-institutions-pub-80717 (accessed: 17.08.2021).

13 Golam Mostafa. The concept of ‘Eurasia’: Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. Journal of Eurasian Studies, Volume 4, Issue 2, July 2013, Pages 160-170

Если перейти от евразийской идеологии к практике интеграционных процессов в ЕАЭС, то здесь также видна роль Запада, поскольку «на развитие евразийского регионализма в 2010-е годы повлияли опасения России по поводу внешних угроз и ее контроля над евразийским пространством».[14]

На начальном этапе евразийской интеграции западное сообщество довольно агрессивно реагировало на процессы, происходящие в России и странах, входящих в Таможенный Союз, позже переформатированный в ЕАЭС.

Было указано, что это инициативы Москвы на постсоветском пространстве — не что иное, как «очередная попытка России действовать против трансатлантических связей Европы».[15] При этом утверждалось, что «Евразийский союз Путина базируется на модели ЕС и Путин рассматривает Евразийский Союз как часть "Большой Европы", включая общие ценности, такие как свобода, демократия и рыночная экономика».[16]

В то же время автор задается вопросом, не может ли Евразийский Союз действовать как контр-модель, которую Россия будет использовать для конкуренции с ЕС, проводя интеграцию соседних стран.

При сравнительном анализе двух интеграционных моделей высказывалось мнение, что ЕАЭС станет неким квазигосударством, наподобие того, что произошло в странах ЕС на основе Маастрихтского договора и Директивы о правах граждан, которые представляли собой фактическую кодификацию ранее существовавшего прецедентного права. И предоставление определенных прав экономически неактивным мигрантам, таким как члены семьи и лица, ищущие работу в странах-членах ЕАЭС представляется определенным шагом в этом направлении. Предполагается, что при анализе квазигосударства до Маастрихта нельзя игнорировать фундаментальную роль, которую сыграл суд, прецедентное право которого в значительной степени способствовало изменениям в ЕС. Следовательно, вопрос состоит в том, сможет ли суд ЕАЭС следовать тем же

---

14 Libman A., Obydenkova A. Global governance and Eurasian international organisations: lessons learned and future agenda // Post-Communist Economies. April 2020. Taylor & Francis Journals, vol. 33(2-3), pages 359-377.

15 Uwe Halbach. Vladimir Putin's Eurasian Union. A New Integration Project for the CIS Region? SWP, January 2012. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2012C01_hlb.pdf (accessed: 25.08.2021).

16 Ibidem. P. 4.

путем и, опираясь на телеологическую интерпретацию, способствовать постепенному изменению нормативно-процессуальной базы? [Pirker, Entin 2020: 530].

Особый интерес западных экспертов был проявлен к процессу установления Зоны свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом. Сама идея зародилась еще до формального создания ЕАЭС во время визита министра промышленности и торговли Вьетнама в Москву в 2009 году. На саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 года Президент России Владимир Путин представил технико-экономическое обоснование такого соглашения.

По существу, соглашение предусматривало либерализацию 88% торговли товарами. В октябре 2016 года, когда соглашение вступило в силу, 59% тарифов были отменены. «ЕАЭС будет открывать свой рынок для вьетнамского экспорта со средним снижением тарифов с 9,7% до 2% к 2025 г.» [Dragneva 2018: 14].

Такая модель по принципу «атурич» вызывала обеспокоенность стран Запада по поводу установления влияния России в регионах Азии, Африки и Латинской Америки. В то же время отечественный автор В.С. Изотов предлагает применить модель «аутрич», которая была применена для формата БРИКС (по инициативе ЮАР), уже для евразийской интеграции. Для этого подходит базовый документ, подготовленный в 2018 г. — это соглашение «О международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями» [Изотов 2020: 22].

Тем не менее, у идеи сотрудничества между ЕС и ЕАЭС также были свои сторонники в Европе. Дискуссии на высшем политическом уровне рассматривали такую потенциальную сделку как способ достижения мира на Украине. Эта инициатива продвигалась в 2015 году по мере того, как Служба внешних действий ЕС изучила возможные форматы сотрудничества. Тем не менее, в настоящее время, ЕС поддерживает только технические и специфические отношения с официальными лицами в Комиссии ЕАЭС и учреждениях отдельных государств-членов. Перспективы улучшения

отношений или заключения мегасделки в ближайшем будущем остаются туманными.

Хотя отмечалось, что для ЕС имело бы экономический смысл заключить ЗСТ с ЕАЭС. Обе стороны выиграли бы от общих технических стандартов, уже достигнутых благодаря использованию ЕАЭС европейских шаблонов.[17]

Но в ЕС существуют сомнения в том, является ли либерализация торговли конечной целью России. С момента создания ЕАЭС европейцы рассматривали блок как квази-таможенный союз с сомнительным экономическим обоснованием, который способствует “региональному протекционизму в противовес открытому регионализму”.[18]

Далее события в Украине интерпретировались в странах ЕС как больший интерес России к геополитике, чем к сотрудничеству, основанному на правилах [Dragneva, Delcour 2017].

Однако и в адрес ЕС высказывались сомнения о возможности плодотворного сотрудничества с ЕАЭС. Отмечалось, что «если обратиться к современным проблемам ЕС, то они преимущественно связаны с «политикой сибаритства», когда основные производства выводились в развивающийся мир (особенно в Китай), а раскручивалась идеология бесконтрольного потребления и «жизни в кредит». С другой стороны, в Китае человек как часть производственного коллектива стал средством для достижения высоких темпов развития экономики, что во многом соответствовало схеме развития СССР в 30-е годы XX в. Для Евразийского союза одной из первостепенных задач являются вложения в человеческий капитал» [Васильева, Лагутина 2013: 239].

Хотя опыт ЕС для развития различных направлений ЕАЭС учитывается [Глазьев, Чушкин, Ткачук 2013]; [Суюнчев, Репетюк, Файн, Трегубова 2020]; [Ушкалова 2017], в том числе и неофункциалистский эффект "перетекания". [Фатыхова 2019: 172].

---

17 Michael Emerson, “Prospects for ‘Lisbon to Vladivostok’: Limited by a double asymmetry of interests,” CEPS Commentary, 12 June 2018. URL: https://www.ceps.eu/publications/prospects-lisbon-vladivostok-limited-double-asymmetry-interests. (accessed: 20.06.2021).

18 Jose Maria Barrosso, Speech, 21 March 2013. URL:http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-249_en.htm. (accessed: 20.06.2021).

Есть и более умеренные взгляды на возможность сотрудничества между ЕС и ЕАЭС. Так, Крис Девоншир-Эллис считает, что «членам ЕС необходимо урегулировать разногласия с Россией, а также необходимо участвовать в разработке соглашений о свободной торговле с членами ЕАЭС и за его пределами, в том числе с Африкой, частями Ближнего Востока, Центральной Азией, Индией и так далее. Статус таких стран, как Азербайджан, Грузия и Украина, а также других с точки зрения возможности доступа к торговому блоку в качестве члена все еще необходимо определить. Потребуется некоторое время и усилия, чтобы все это проработать».[19]

По его мнению эволюция и развитие Большого Евразийского партнерства уже идет полным ходом и будет иметь значительные последствия для глобальных цепочек поставок. Это создаст новые возможности во всем регионе и окажет серьезное влияние на экономику Китая и России, а затем, по мере вступления в силу соглашений, которые в настоящее время обсуждаются, на Индию, страны АСЕАН и Центральную Азию. Далее последует обновление договоров с Африкой, а затем, к процессу может подключиться и Европа.

Он отмечает, что из-за географического положения каждой из этих стран и блоков, объединение в значительной степени неизбежно.

При этом «можно ожидать и других изменений. Учитывая санкции и угрозы тарифных проблем, созданных США практически для всех евразийских регионов, нельзя исключать введения системы Евразийского клирингового банка... Также возникнут другие инициативы и идеи, чтобы дополнить, поддержать и развить то, что происходит. Это захватывающее время для компаний, чтобы подготовиться к появлению нового динамичного торгового блока – евразийского сухопутного массива».[20]

В целом изменения на евразийском пространстве сами по себе формируют участие Китая во многих аспектах евразийского процесса, при этом Китаю все

---

19 Chris Devonshire-Ellis. Xi and Putin Place the Greater Eurasian Partnership on the Path to Realization. China Briefing, June 14, 2019. URL: https://www.china-briefing.com/news/xi-putin-place-greater-eurasian-partnership-path-realization/ (accessed: 15.08.2021).

20 Ibidem.

чаще приходится возглавлять региональные преобразования и формировать ключевые партнерские отношения [Ferguson 2018].

Поскольку в 2000-е годы произошел сдвиг в мышлении о многополярности, Китай и Россия стали ядром конкурирующего с США порядка, способного оказывать как военное, так и экономическое влияние в соседних областях с оттенком идеологической дистанции. Гилберт Розман предполагает, что «Китай в лучшем случае будет время от времени на словах говорить о многополярности, а Россия стремится сохранить ее видимость, основанную на ее собственных предполагаемых возможностях, иллюзии ценности ЕАЭС и смутных надеждах на расширение ШОС».[21]

Геополитический подход и контекст многополярности

В общем западный взгляд на ЕАЭС и евразийство выходит за рамки экономического анализа. Евразийскую интеграцию рассматривают как один из элементов региональной политики России, где немаловажными аспектами являются и вопросы безопасности. В докладе RAND под названием «Большая стратегия России. Риторика и реальность» говорится, что «в российских документах показано намерение содействовать Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и другим региональным структурам для поддержания регионального влияния и соблюдения соглашений о сотрудничестве в области взаимной обороны и безопасности со своими региональными союзниками» [Charap, Massicot, Priebe, Demus, Reach, Stalczynski, Han, Davis 2021: 22].

В RAND ссылаются на интерес России к динамическому сотрудничеству с новыми центрами силы, такие как Индия, Китай, Бразилия, АСЕАН и страны Персидского залива.

В предложенной модели региональных взаимоотношений, построенной на триаде из безопасности, экономики и лидерства для России ЕАЭС полностью

21 Gilbert Rozman. Multipolarity versus Sinocentrism: Chinese and Russian Worldviews and Relations // The Asian Forum, 2020. URL: https://theasanforum.org/multipolarity-versus-sinocentrism-chinese-and-russian-worldviews-and-relations/ (accessed: 04.08.2021).

занимает сектор экономики. При этом через ОДКБ затрагиваются и вопросы безопасности, поскольку все члены ЕАЭС входят в этот блок. В самом исследовании постсоветское пространство фактически приравнивается к Евразии.

Поскольку в тексте упомянуты государства и объединения за пределами Евразии, такая постановка вопроса дает повод предположить, что в США увязывают евразийскую интеграцию, ограниченную постсоветским пространством, с более широкими интересами России, в том числе попытками установления многополярного мироустройства.

В одной из недавних работ по теме морских коммуникаций вокруг Евразии открыто указывалось, что изменение роли и статуса ведущих евразийских акторов приведут к баланса сил на глобальном уровне. Отмечалось, что «на нас надвигается геополитический и экономический сдвиг, проявляющийся в различных морских регионах Евразии. Евразийские державы, включая Россию, Китай и Индия все шире использует свою морскую географию, стремясь расширить и укрепить свою развивающуюся экономику, расширить свои возможности по прогнозированию военной мощи для защиты стратегических национальных интересов и усилить свое глобальное влияние... Эта меняющаяся динамика уже начала изменять модели морской торговли и инвестиций, а следовательно, и глобальную политическую экономику. Это также создает растущую угрозу нынешнему статус-кво мирового порядка, в котором долгое время доминировал Атлантический мир и, в частности, Соединенные Штаты» [Gresh 2018: 1].

Однако особый интерес представляют оценки западных авторов, которые имеют позитивные коннотации. Так, в одном из исследовании корпорации RAND от 2019 г. указано следующее.

“В идеале может быть реализовано видение от Лиссабона до Владивостока, то есть общее экономическое пространство, охватывающее ЕС, ЕАЭС и промежуточные государства… Важно начать с понимания того, какие договоренности возможны и невозможны для промежуточных государств... В

более широком смысле, государства, не являющиеся членами, могут устанавливать более тесные экономические отношения с обоими блоками. И сами блоки могут договориться о взаимоприемлемых договоренностях...

Наше предложение предоставляет возможность промежуточным государствам извлекать выгоду из торговли с обоими блоками, а не полностью переходить на сторону одного из них и терять связь с другим. Такое развитие событий помогло бы промежуточным государствам стать более процветающими и стабильными. Это также помогло бы им развивать сотрудничество как с ЕС, так и с Россией и ЕАЭС, а не оппортунистически демонстрировать лояльность той или иной стороне и получать экономические выгоды в качестве вознаграждения. Цели предложения заключаются в следующем:

• убедиться, что экономические отношения не являются источником конфликтов ни между Россией и ЕС, ни между Россией и государствами, находящимися между ними.

• способствовать процветанию промежуточных государств за счет укрепления экономических связей, тем самым создавая стимулы для участия этих государств в двух других направлениях переговоров: по архитектуре безопасности и региональным конфликтам.

Наше предложение состоит из следующих трех элементов:

1. меры по облегчению разнонаправленных торговых отношений между государствами;

2. механизмы трехсторонних консультаций между ЕАЭС, ЕС и странами, не входящими в два блока;

3. согласованные нормы поведения для блоков». [Charap, Shapiro, Drennan, Chalyi, Krumm, Nikitina, Sasse 2019: 43 - 44].

При этом у авторов остается понимание геополитического дуализма. Поскольку годом ранее они же в отношении Евразии отмечали, что «региональный порядок определяется существованием двух конкурирующих наборов институтов или даже блоков: Западного или евроатлантического НАТО

и ЕС, с одной стороны, и Евразийской или возглавляемой Россией ОДКБ и ЕАЭС с другой» [Charap, Shapiro, Demus 2018: 6].

Авторы из RAND в отношении диалога России с Западом констатировали, что накопилось много проблем, однако «существуют альтернативные пути. Предлагаемые детали подлежат обсуждению, но на данный момент именно отсутствие дискуссий и обсуждения этого вопроса является главной проблемой для поиска взаимоприемлемого пути вперед» [Charap, Shapiro, Demus 2018: 33].

В данном отношении вполне своевременными видятся замечания российских ученых, которые ранее отмечали, что «в условиях отсутствия развитой концептуальной базы неоевразийской интеграции представляется принципиально важным активное обсуждение положительных и отрицательных сторон нового проекта представителями различных научных сообществ. Именно в этих спорах и происходит накопление научной аргументации и аналитических выкладок относительно проекта Евразийского союза, что может стать теоретической основой формирования стратегии неоевразийской интеграции. Инновационность данной темы заключается в том, что совершенно в ином ключе представляются классические евразийские идеи. Их современное звучание определяется не идеологией противопоставления Запада Востоку, а прагматической идеей объединения разрозненных частей Евразии в единое пространство глобального региона» [Васильева, Лагутина 2013: 230]

Аналогичную проблему, между тем, можно обнаружить и в концепции «Большая Евразия», поскольку само это понятие вошло в научный и политический лексикон сравнительно недавно и интенсивно наполняется новым содержанием, требующим всестороннего осмысления [Кефели, Шевченко 2018]. Например , «Большая Евразия» может вызывать ассоциации как в отношении сотрудничества ЕС и России, так и взаимодействия ЕС и ЕАЭС [Цвык 2018].

Китайский взгляд на евразийскую интеграцию в качестве российской внешнеполитической стратегии и, шире, усилий по установлению многополярности, заметно отличаются от западной точки зрения. Так, Ли Ёнкань указывает, что развитие России и ЕАЭС неотделимо от развития

мировой экономики. По его мнению Россия не может смириться с реальностью, в которой она исключена из процесса разработки правил мировой торговли, поэтому Большое Евразийское партнерство является новым подходом к внешней политике, который разрушает традиционные концепции, придающие значение только отношениям с США и Западом.

Он считает, что сопряжение стратегий развития России и Китая имеет решающее значение не только для построения Евразийского экономического партнерства, но и для будущих перспектив этой организации.

Автор учитывает и возможные риски, отмечая, что Россия обеспокоена тем, что экономика Китая может навредить интеграции процессов ЕАЭС и что конкурентоспособность китайских товаров может оказать сильное внешнее давление на экономику ЕАЭС. Кроме того изменения в ШОС могут отрицательно отразиться на эффективности механизмов многостороннего сотрудничества и консультаций в рамках этой организации. Тем не менее, он считает, что вполне реально связать Большое Евразийское партнерство с инициативой "Пояс и путь". Политические и экономические отношения Китая со странами ЕАЭС, уровень практического сотрудничества Китая со странами АСЕАН и тесное сотрудничество между Россией и странами АСЕАН дают основания быть уверенными в том, что у сопряжения инициативы "Пояс и путь" и Евразийского партнерства есть будущее. Более того, российско–китайские переговоры по Евразийскому экономическому партнерству являются важнейшим звеном в этом процессе [Yongquan 2018: 12, 13].

Однако и западные авторы, анализируя российско-китайское сотрудничество, отмечают, что оно может привести к глобальному изменению, а не только к региональной динамике. «Евразия обладает большей частью мировых богатств, ресурсов и населения, но при этом имеет очень низкую экономическую связанность. Китайско-российское партнерство может коллективно создать гравитационное притяжение, которое позволит им

захватить геоэкономические рычаги власти, создав альтернативу западноцентричной модели».[22]

Акцент на многополярности добавляет видение Большого евразийского партнерства как уникального межцивилизационного мегапроекта [Яковец 2018].

Исследователи из Латинской Америки также видят евразийскую интеграцию неотъемлемой частью движения к многополярности [Serbin 2020].

Выводы

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. Китай имеет определенный интерес к ЕАЭС, при этом рассматривает российско-китайское сотрудничество как выгодное партнерство для двух сторон. Хотя существует вероятность превалирования синоцентризма во внешней политике Китая, для создания противовеса США и ЕС России выгодно взаимодействовать с Пекином. Многовекторность со стороны Москвы, включая стратегию «аутрич» может содействовать достижению внешнеполитических целей России. США и ЕС будут рассматривать в большей или меньшей степени ЕАЭС как конкурентоспособный проект, вуалируя аналитические и экспертные оценки критикой о несостоятельности России и чрезмерных геополитических амбициях. В ЕС и США подразумевают ЕАЭС как возможный полюс многополярного мироустройства, который (в совокупности с ростом китайского могущества) значительно трансформирует глобальную экономическую и политическую систему.

Несмотря на ряд отличий, общие оценки зарубежных экспертов по включению идей евразийства в текущие геополитические процессы в сходятся и с мнением российских авторов, которые считают, что «концептуальное решение современной национальной политики России в русле евразийских идей определяет задачу модернизации и интеграции механизмов создания и передачи

22 Godfree Roberts. The Rise of Multipolarity through Greater Eurasia // Covert Geopolitics, November 7, 2019. URL: https://geopolitics.co/2019/11/07/the-rise-of-multipolarity-through-greater-eurasia/ (accessed: 15.06.2021).

национальных ментальных парадигм, которые являются традиционными для нашей страны. Это позволит сохранить духовное и этнокультурное единство страны, консолидировать силы на основе общих ценностей и целей, обеспечит независимость и развитие Российского государства в сложных условиях глобализирующегося мира и восстановит утраченный паритет в мировой многополярной структуре». [Замараева 2016: 154].

Библиографический список

Базавлук С.В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 273 — 283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.

Базавлук С.В., Курылев К.П., Савин Л.В., Станис Д.В. Евразийская идеология и политические процессы // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 59 — 64.

Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Проект «Евразийский экономический союз» в оценках экспертного сообщества // Вестник международных организаций. 2013. Т. 8. № 4. С. 229 — 242.

Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М.: Викор Медиа, 2013.

Замараева Е.И. Нация и национализм в философии евразийства // Соловьевские исследования. 2016. Выпуск 4 (52). С. 150 — 154.

Изотов В.С. Региональная интеграция: от классики к постмодерну. Новые форматы сопряжения и аутрич-сотрудничества как инструменты архитектуры многополярности. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС [Текст] : докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др. ; под научн. ред. Т. А. Мешковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Исаев И. Евразийство: идеология государственности. Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42 — 55.

Кефели И.Ф., Шевченко Н.Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018.

Суюнчев М.М. Репетюк С.В. Файн Б.И. Трегубова Е.А. Разработка подходов к формированию общего электроэнергетического рынка евразийского экономического союза (ЕАЭС). М.: РАНХиГС, 2020.

Ушкалова Д.И. Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6. С. 100 — 111.

Фатыхова В.М. Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального "перетекания" // Вестник МГИМО-Университета. 2019. 2 (65). С. 159 —175.
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175

Цвык А.В. «Большая Европа» или «Большая Евразия»? В поиске новых идей для евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 262-270. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270

Яковец Ю.В. Большое евразийское партнёрство — цивилизационный мегапроект. Большое евразийское партнёрство: прошлое, настоящее, будущее: избранные труды X Евразийского научного форума: коллективная монография. Том первый. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. С. 397 — 408.

Albo, G., Gindin, S., & Panitch, L. In and out of crisis. Oakland: PM Press, 2010.

Charap, S., Shapiro, J., Demus, A. Rethinking the Regional Order for Post-Soviet Europe and Eurasia. RAND Corporation, 2018.

Charap, S., Shapiro, J., Drennan, J., Chalyi, O., Krumm, R., Nikitina, Y. Sasse, G. A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia. RAND Corporation, 2019.

Charap, S., Massicot, D., Priebe, M., Demus, A., Reach, C., Stalczynski, M., Han, E., Davis, L. Russian Grand Strategy. Rhetoric and Reality. RAND Corporation, 2021.

Dragneva, R. Delcour, L., Jonavicius, L. Assessing Legal and Political Compatibility between the EU Engagement Strategies and Membership
of the EAEU. EU-STRAT Working Paper No. 07, 2017.

Dragneva, R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project. Foreign Policy Research Institute, 2018.

Ferguson, R. J. China's Eurasian Dilemmas. Roads and Risks for a Sustainable Global Power. Edward Elgar Piublishing, 2018.

Gresh, G. (Ed). Eurasia's Maritime Rise and Global Security. From the Indian Ocean to Pacific Asia and the Arctic. Palgrave Macmillan, 2018.

Laruelle, M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Libman A., Obydenkova A. Global governance and Eurasian international organisations: lessons learned and future agenda // Post-Communist Economies. April 2020. Taylor & Francis Journals, vol. 33 (2-3). P. 359 —377.

Mostafa G. The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 160 — 170. https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006

Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union - between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus. In European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges. N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. (ed). Leiden; Boston: Brill, Nijhoff, 2020.

Serbin, A. Eurasia y América Latina en un mundo multipolar. Icaria Editorial - CRIES, 2020.

Yongquan, L. The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative (BRI): Can the Two be Linked? Chinese Association for East European,
Russian and Central Asian Studies. Soul, 2018.

U.S. Air Force Global Futures Report: Alternative Futures of Geopolitical Competition in a Post-COVID-19 World. Air Force Warfighting Integration

Capability (AFWIC), Strategic Foresight and Futures Branch, June 2020.

References

Albo, G., Gindin, S., & Panitch, L. (2010). I*n and out of crisis.* Oakland: PM Press.

Bazavluk S.V. (2018). *Eurasianism: terminological ambivalence* // Vestnik RUDN: International Relations. Vol. 18. № 2. 273 — 283. (In Russian).

Bazavluk S.V., Kurilev K.P., Savin L.V., Stanis D.V. (2021). *Eurasian ideology and political processes* // Information Wars. 2021. № 1 (57). 59 — 64. (In Russian).

Charap, S., Shapiro, J., Demus, A. (2018). *Rethinking the Regional Order for Post-Soviet Europe and Eurasia.* Santa-Monica: RAND Corporation.

Charap, S., Shapiro, J., Drennan, J., Chalyi, O., Krumm, R., Nikitina, Y., Sasse, G. (2019). *A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia.* Santa-Monica: RAND Corporation.

Charap, S., Massicot, D., Priebe, M., Demus, A., Reach, C., Stalczynski, M., Han, E., Davis, L. (2021). *Russian Grand Strategy. Rhetoric and Reality.* Santa-Monica: RAND Corporation.

Dragneva, R. Delcour, L., Jonavicius, L. (2017) *Assessing Legal and Political Compatibility between the EU Engagement Strategies and Membership of the EAEU.* EU-STRAT Working Paper No. 07.

Dragneva, R. (2018) *The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project.* Foreign Policy Research Institute.

Fatyhova V.M. (2019). *Eurasian cooperation in field of science and higher education: perspectives of the neofunctional "overflow"* // Vestnik MGIMO-universitet. 65 (2). 159 —175. (In Russian).

DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175

Ferguson, R. J. (2018) *China's Eurasian Dilemmas. Roads and Risks for a Sustainable Global Power.* Edward Elgar Piublishing.

Glazev S.Y., Chuschkin V.I., Tkachuk S.P. (2013). *European Union and Eurasian Economic community: similarity and difference of the processes of integration building.* Moscow: Viktor Media. (In Russian).

Gresh, G. (Ed). (2018). *Eurasia's Maritime Rise and Global Security. From the Indian Ocean to Pacific Asia and the Arctic.* Palgrave Macmillan.

Isaev I. (1994). *Eurasianism: Ideolofy of the Etatism. Obshestvennie nauki i sovremennost.* 5. 42 — 55. (In Russian).

Izotov V.S. *Regional integration: From classic to post-modern. New forms of linking and out-reach cooperation as tools of the multipolar architecture.* (2020). In search of new architecture of multipolarity: International Cooperation of the EAEU. Meshkova T.A. (Ed.). Moscow: Higher School of Economics. (In Russian).

Kefeli I.F., Shcevchenko N.N. Big *Eurasia: civilizational space, uniting ideology, projecting future*. Sankt-Peterburg: ID «Petropolis», OOO «Geopolitika i Bezopasnost», 2018. (In Russian).

Laruelle, M. (2008). *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire.* Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.

Libman A., Obydenkova A. (2020). *Global governance and Eurasian international organisations: lessons learned and future agenda* // Post-Communist Economies. Taylor & Francis Journals, vol. 33 (2-3). 359 —377. (In Russian).

Mostafa G. (2013). *The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications* // Journal of Eurasian Studies. Vol. 4. No. 2. 160 — 170. https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006

Pirker B., Entin K. (2020). *The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union - between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus.* European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges. N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. (ed). Leiden; Boston: Brill, Nijhoff.

Serbin A. (2020). *Eurasia y América Latina en un mundo multipolar.* Icaria Editorial - CRIES.

Suyunchev M.M., Repetyuk S.V., Fain B.I., Tregubova E.A. (2020). *Development of the approach for common market organizaion of electricity energy of the Eurasian Economic Union (EAEU).* Moscow: RANHiGS. (In Russian).

Tsvyk A.V. (2018) *'Greater Europe or 'Greater Eurasia'? In Search of New Ideas for the Eurasian Integration* // Vestnik RUDN: Sociology. Vol. 18. № 2. 262—270. (In Russian).

Ushkalova D.I. (2017). *Integration models of the Eurasian Economic Union and Free Trade Zone of CIS in context of the world' experience* // Vestnik Instituta Ekonomoki Rossiyskoy Akademii Nauk. 6. 100 — 111. (In Russian).

Vasileva N.A., Lagutina M.L. (2013). *Project of «Eurasian Economic Union» in the assessments of expert community* // Vestnik Mezhdunarodnih Organizatsiy, 8 (4). 229 — 242. (In Russian).

Yongquan, L. (2018) T*he Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative (BRI): Can the Two be Linked? Chinese Association for East European, Russian and Central Asian Studies*. Soul.

Yakovets, Y.V. (2018) *Big Eurasian Partnership - civilizational megaproject.* Big Eurasian Partnership: past, present, future: selected works of the X Eurasian scientific forum. Sankt-Petersburg: EurAsEc University. 397 — 408. (In Russian).

Zamaraeva E.I. *Nation and Nationalism in the Philosophy of Eurasianism* // Soloviev' Readings. 2016. 52 (4). 150 — 154. (In Russian).

U.S. Air Force Global Futures Report: Alternative Futures of Geopolitical Competition in a Post-COVID-19 World. (2020). Air Force Warfighting Integration Capability (AFWIC), Strategic Foresight and Futures Branch.

Сведения об авторах: *Базавлук Сергей Викторович* — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru

Курылев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Савин Леонид Владимирович — генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств;
e-mail: editor@monitorfund.ru

About the authors: *Sergey Victorovich Bazavluk* — Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University; e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru
Konstantin Petrovich Kurylev — Doctor, professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru
Leonid Vladimirovich Savin — Director of the Foundation of monitoring and forecasting of the development of cultural-territorial spaces; e-mail: editor@monitorfund.ru